

ШУЛЬЦ И. А. — в МПКК

ШУЛЬЦ Иван Александрович, родился в 1860. Окончил военную гимназию в Ярославле, военное училище в Тифлисе и Михайловскую артиллерийскую академию. Кадровый офицер русской императорской армии, с 1878 — служил в Тифлисе, с 1914 — в Грузинском гренадерском полку, с августа — начальником Ростовского эвакуационного пункта в чине полковника, с июня 1916 — на фронте, с июня 1917 — в Смоленске, с августа 1918 — на лечении в Ростове-на-Дону. После прихода Белой армии работал в госпитале. 2 февраля 1920 — арестован «за службу у белых», через три недели отправлен в Харьков. 20 апреля освобожден. 16 октября 1920 — вновь арестован, 20 октября отправлен в Москву и заключен в Кожуховский лагерь.

В мае 1921 — обратился за помощью в Московский Политический Красный Крест.

<15 мая 1921>

«В Московский Политический Красный Крест

Заключенного в Кожуховском концлагере
гражд<данина> Шульц<а> Ив<ана>
Ал<ексан>дровича. Подробное добавление
к особым замечаниям Опросного листа
Московского Политического Красного
Креста, от 15 мая 1921 г<ода>.

До войны с Германией я служил с 1878 года в Закавказье, в г<ороде> Тифлисе, в 15 Гренад<ерском> Тифлисском полку. В 1914 году я был переведен в 14 Гренад<ерский> Грузинский полк, в Штаб-квартиру Белый Ключ, в 60 верстах от Тифлиса, куда перевез все имущество и семью. В августе 1914 года я был назначен Начальником Ростовского н<а> Д<ону> Распределительного Эвакуационного Пункта, а в июне 1916 года получил назначение на фронт. В ноябре того же года получил пехотный 328 полк. В июне 1917 года, по болезни, я был откомандирован в резерв<ные> чины в г<ороде> Смоленск, где и проболел до августа 1918 года. В виду того, что я до этого времени жил на юге, и что северный климат мне вреден, я получил разрешение от Советской Власти ехать в Тифлис для лечения горячими серными ваннами. Доехав до Ростова н<а> Д<ону>, я узнал, что в Тифлис сейчас ехать нельзя, так как вновь основанная Грузинская Республика всех русских выселяет, да, кроме того, узнал также, что мое имущество, оставленное на Белом Ключе, все разграблено до последней нитки, и я с семьей остался положительно безо всего, так как возвращался с позиции, куда почти ничего не брал, кроме необходимого для похода, что у меня было отобрано в г<ороде> Смоленске для нужд Красной Армии.

В виду тяжелой болезни, я решил с семьей остаться в Ростове и здесь продолжать лечение. По освидетельствовании в Нервной клинике д<окто>ра Оганаджанц, у меня оказалось искривление позвоночника.

Не имея никаких положительно средств для того даже, чтобы нанять квартиру, я попросил знакомого смотрителя Госпиталя 71-го и с помощью старшего врача был принят, а амбулаторно ездил ежедневно в Клинику лечиться, где мне делали подсвечивание и прижигание спины электрическим фонарем. В декабре 1918 года я заболел сыпным тифом, а затем поправившись, в январе заболел возвратным тифом. В это время приехал област<ной> Инспектор Обл<асти> Войска Донск<ого> (фамилию не помню) и заявил, что так как я ни в какой армии не состою, ни в Донской, ни в Добровольческой, которой этот госпиталь принадлежит,

то я должен немедленно оставить Госпиталь или записаться в одну из армий. Так как у меня на руках жена и дочь, я же лежал в тифе, то мне, чтобы не умереть под забором зимой и не уморить с голоду семью, оставался один выход, записаться, я записался в добровольческую армию и просил знакомого Главн<ого> Инспект<ора> Санитар<ной> части д<окто>ра <нрзб.> принять меня на службу по Санитарн<ой> части. Я, немного поправившись после сухого плеврита, которым заболел после тифа, поступил на службу 15 марта 1919, а 6-го декабря, в виду болезни моей инфлюэнцией и затем воспалением легких, подал рапорт об увольнении. 26-го декабря 1919 г<ода> (стар<ого> стиля) белая армия ушла из Ростова.

Я еще не окончил лечение, как 2-го февраля (нового стиля) 1920 года ко мне на квартиру явились с обыском, а 3-го я, под поручительством Ком<анди>ра Пулемет<ной> Ком<ан>ды 114-го (или 113) полка, коммуниста (фам<илию> забыл), в семье его хорошо знают и в домкоме, явился в Особый отдел, где меня и арестовали. Через две недели перевели в г<ород> Луганск, здесь я заболел вторым приступом возвратного тифа. 2-го апреля меня перевели в г<ород> Харьков, где я заболел третьим приступом возвратного тифа. 20-го апреля я был освобожден, но без права выезда из Харькова. 1-го мая, ввиду того, что по заявлению осматривавшего меня врача у меня наступает опять приступ возвр<атного> тифа, меня приняли в 1-ю Советскую Городскую больницу, где я и пролежал до 23 августа 1920 г<ода>. 25-го августа я поступил на службу в<о> Всеукраинскую Кооперативную станцию на должность Заведующего хозяйственной частью в здании № 3 по Харинскому пер<еулку> (отделы неторговый и промышленный). 16-го октября, согласно общего распоряжения явиться на регистрацию в Особый Отдел, явился и я, оставив квартиру (там же при службе) запертой. За вещами вернуться не разрешили, и в тот же вечер мы уехали в Москву. Я успел передать только ключи. Всего нас ехало 40 человек. 1-го ноября 1920 года я был опрошен, но до сего времени результатов нет. Здесь я постоянно болею приступами лихорадки, и т<ак> к<ак> мне 61 год, и после болезней еще не оправился, а питание было недостаточно, зарабатывать не мог и до того ослаб, что как не крепился, а 2 марта слег в Патронат, где и пробыл до 2 апреля. Благодаря помощи из дому, я немного окреп и теперь работаю в Канцелярии лагеря на должности журналиста. Но здоровье мое совершенно расшаталось, необходимо радикальное и продолжительное лечение. Врачи советуют ехать в Пятигорск, который только и может мне помочь.

В больнице нашли у меня миокардит и эмфизему легких.

На основании всего вышеизложенного я обращаюсь с просьбой в Московский Политический Красный Крест взять на себя труд хлопотать о полном меня освобождении и о разрешении мне выехать в г<ород> Ростов н<а> Д<ону>, а оттуда, чтобы я мог хлопотать себе разрешение лечиться в Пятигорске.

Вместе с тем, ввиду того, что я сижу в заключение вот уже второй год, весь изодрался, все, что было продал и съел, прошу, если можно, оказать мне и материальную помощь, как обмундированием, так и бельем.

Приложение: Свидетельство Смоленского врача.

Свидетельство о болезни в 1-ой Советской больнице осталось в вещах в г<ороде> Харькове.

Заключенный И. Шульц

15-го мая 1921 г<ода>.

Москва. Кожуховский лагерь»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 275. С. 129-130. Автограф.

В июне 1921 — заведующий юридическим отделом Московского Политического Красного Креста обратился с заявлением в ВЧК.

<1 июня 1921>

«В 16-е ОТДЕЛЕНИЕ ВЧК

Содержащийся в Кожуховском лагере гр<ажданин> Иван Александрович ШУЛЬЦ, 61 года, обратился к Московскому Политическому Кресту с просьбой возбудить ходатайство об ускорении производства следствия по его делу и об его освобождении, причем, объяснил, что он с 1878 года служил на военной службе, участвовал в последней войне с Германией и в 1918 г<оду> был назначен в резерв армии в г<ород> Смоленск. Получив разрешение от Советской Власти отправиться для лечения горячими серными ваннами в г<ород> Тифлис, ШУЛЬЦ по пути остановился в Ростове на Дону, где заболел сыпным тифом. Вследствие того, что в это время Ростов был занят добровольческой армией, ШУЛЬЦ, как б<ывший> военный был призван в добровольческую армию и 15 марта 1919 г<ода> определен на службу по Санитарной части; в декабре того же года Ростов был оставлен белыми, но ШУЛЬЦ не эвакуировался вместе с армией, а продолжал и при Советской власти службу в санитарной части. В феврале 1920 г<ода> ШУЛЬЦ был арестован и отправлен в г<ород> Харьков в распоряжение О<собого> О<тдела>, постановлением которого от 20 апреля того же года освобожден, но без права выезда из Харькова. 16/X ШУЛЬЦ явился на регистрацию офицеров, был вновь арестован и препровожден в Москву. 1 ноября 1920 г<ода> ШУЛЬЦ был опрошен следователем, но никакого обвинения ему предъявлено не было.

Московский Политический Красный Крест ввиду вышеизложенного и, принимая во внимание: 1) что ШУЛЬЦ уже более 8 мес<яцев> лишен свободы и 2) что заключение в лагерь вследствие болезненного состояния ШУЛЬЦА, удостоверенного медицинским свидетельством и преклонного возраста, 61 год, является весьма опасным для его здоровья, — ходатайствует об ускорении производства следствия по делу ШУЛЬЦА и о его освобождении.

При сем прилагается медицинское свидетельство о состоянии здоровья ШУЛЬЦА, выданное врачом Самсоновым 17/XII -1918 г<ода> за № 83.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА	(подпись)
ЗАВЕДУЮЩИЙ	
ЮРИДИЧЕСКИМ ОТДЕЛОМ	(подпись)
Секретарь	(подпись)» ² .

На письме — две пометы секретаря МПКК:

«Вызван ВЧК на допрос. Спр<авка> из ВЧК 13/VII - 21 г<ода>».

«Ответ, полученный из ВЧК 27/VII-21 г<ода>. Шульц — 61 год, Кожуховский лагерь — выяснилось, что Шульц — полковник и ввиду того, что он скрывал свой чин, освобожден вряд ли будет».

В июне 1921 — в Помполит обратилась за помощью его жена Ольга Григорьевна Шульц.

<7 июня 1921>

«Военной сестры милосердия 732-го

² ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 275. С. 133. Машинопись, подписи — автографы.

Госпиталя Ольги Григорьевны Шульц,
проживающей в г<ороде> Ростове
н<а> Д<ону>, 5 ул<ица>, д<ом> № 125

Заявление

Муж мой Иван Александрович Шульц на военной службе с 1878 г<ода>, был, между прочим, Председ<ателем> Кавказ<ского> Эконом<ического> Общества в Тифлисе, Председателем Инженерной Комиссии (выстр<оно> 58 зданий) в Закавказской Нахичевани, в Империалистическую войну организатором и Начальн<иком> Распред<елительного> Эвакуац<ионного> пункта в г<ороде> Ростове н<а> Д<ону>.

В 1918 г<оду> он на 60 году жизни, прослужив своему государству, — вышел в отставку по болезни.

Я, его жена, и дочь, учительница старш<их> классов гимназии Ольга Ивановна, служа все время в советских учреждениях, поддерживали его существование и лечение его больного в клинике, т<ак> к<ак> он, вследствие болезни, работником уже быть не мог.

При общей регистрации 3-го февраля 1920 г<ода> муж мой экстренно с другими был выслан из г<орода> Ростова в г<ород> Москву без суда и до настоящего времени находится на ст<анции> Кожухово по Ок<тябрьской> жел<езной> дор<оге> в лагере по принудительным работам. Работает в канцелярии.

При свидании в Москве моего мужа с т<оварищем> следователем несколько м<есяц>ев тому назад, тов<арищ> следователь сказал, что муж мой будет совершенно освобожден. Но, несмотря на это, до настоящего времени его задерживают.

По имеющимся сведениям здоровье его в его годы в тяжелом состоянии — едва живой.

Любя мужа, к<а>ж честного, отзывчивого и сознательного работника, всю жизнь для народа трудящегося на свое государство, во имя справедливости, обращаюсь к справедливой Власти и прошу о возвращении его в г<ород> Ростов н<а> Д<ону>, где мы с дочерью работаем, не покладая рук, ныне в 732-ом Госпитале сестрами милосердия, а дочь еще секретарем Санпросвета и Конференции, отдавая все свои силы страдальцам Красным бойцам...

Дочь моя, Ольга Ивановна в 1918 г<оду> была арестована и выслана за симпатию к Советской Власти.

Томясь в тюрьме, перенося тяжкие глумления и издевательства над ней — освободилась только по счастливой случайности...

Все эти тяжелые испытания, при потере вдобавок всего кровно заработанного за всю жизнь имущества движимое, до последней нитки, дают мне право надеяться на милостивое и справедливое отношение и ходатайство Ваше к моей выстрадавшей просьбе... мне 54 года!

Несколько раз за эти полтора года проходили амнистии, но Ив<ан> Ал<ександрович> не подвергнулся ни одной из них, очевидно, о нем совсем забыли.

Если почему-либо невозможно полное и скорое, ввиду его болезни, освобождение, то убедительно прошу о переводе мужа из Москвы в лагерь в<оенно>пленных в г<ород> Ростов н<а> Д<ону> в санитарном поезде по слабости его здоровья в его годы.

Муж мой был всегда достаточно полезным государств<енным> работником. Если бы его вернули в семью и дали этим окрепнуть после вынесенных страданий, то не менее продуктивен оказался бы его труд для России в наше тяжелое время.

Ол<ьга> Гр<игорьевна> Шульц

Подобную же бумагу посылаю и в друг<ие> учреждения, чтоб облегчить ход ходатайств Ваших.

7-го июня

г<ород> Ростов н<а> Д<ону>»³.

³ ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 275. С. 132. Автограф.